

Мадмуазель Перль / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Мадмуазель Перль / рассказ МАДМУАЗЕЛЬ ПЕРЛЬ

И что за странная мысль пришла мне в этот вечер – избрать королевой мадмуазель Перль!

Каждый год я встречаю крещенский сочельник у нашего старинного друга Шанталь. Мой отец был его близким приятелем и водил меня к нему, когда я еще был мальчиком. Я же посещаю и, вероятно, буду посещать его до тех пор, пока я жив и пока на свете существует Шанталь.

Кстати, Шантали ведут необычный образ жизни; они живут как будто не в Париже, а где-нибудь в Грассе, Ивето или Понт-а-Муссоне.

У них особнячок с садом возле самой Обсерватории. Здесь они чувствуют себя дома, совсем как в провинции. О Париже, настоящем Париже, они ничего не знают; они даже не подозревают, какой он на самом деле. Ведь они от него так далеко, так далеко!

Впрочем, иногда они выезжают в город, и это целое событие. Как говорят в семье, г-жа Шанталь отправляется «делать закупки». Вот как это происходит.

Настает день, когда мадмуазель Перль, у которой хранятся ключи от кухонных шкафов (ключами от бельевых шкафов ведает сама хозяйка), мадмуазель Перль предупреждает, что сахар на исходе, консервы кончились, а кофе осталось в мешке совсем немного. И вот г-жа Шанталь начинает принимать меры против голода, грозящего семье. Она производит смотр остаткам и делает себе заметки в записной книжке; наставив множество всяких цифр, она предается долгим вычислениям, а затем долгим спорам с мадмуазель Перль. Однако в конце концов они приходят к соглашению и окончательно устанавливают количество продуктов, которыми необходимо запастись на три месяца: сахара, риса, чернослива, кофе, варенья, банок с зеленым горошком, фасоли, омаров, копченой или соленой рыбы и прочее и прочее.

Затем назначается день для закупок и, наняв извозчицью карету, они едут в лавку солидного бакалейщика, находящуюся по ту сторону мостов, в новых кварталах.

Г-жа Шанталь и мадмуазель Перль уезжают вдвоем, тайно, и возвращаются к обеду, все еще взволнованные, измученные. Их растрясло в карете, верх которой завален свертками и мешками, словно это фургон для перевозки багажа.

Для Шанталей весь район Парижа по ту сторону Сены – это новые кварталы, где живут какие-то странные, шумливые, не очень почтенные люди; днем эти люди только и делают, что развлекаются, ночами кутят и вообще швыряют деньги в окошко. Все же время от времени дочерей вывозят в театр, в «Комическую оперу», во «Французскую комедию», но лишь в том случае, если пьесу хвалит газета, которую выписывает г-н Шанталь.

Дочкам сейчас одной девятнадцать, другой семнадцать лет. Это красивые девушки, рослые и свежие, очень хорошо воспитанные, слишком хорошо воспитанные, настолько хорошо воспитанные, что их не замечаешь, просто две красивые куклы. Никогда мне и в голову не пришло бы обратить особое внимание на барышень Шанталь или поухаживать за ними. С ними едва дерзаешь говорить, до того они непорочны. Просто поздороваться – и то уже кажется неприличием.

Их отец – обаятельный человек, очень образованный, очень сердечный, очень приветливых, но больше всего он любит отдых, покой, тишину и сам постарался превратить быт семьи в стоячее болото, чтобы жить по своему вкусу. Он много читает, охотно беседует, его легко растрогать. Отсутствие общения с людьми, трений, столкновений сделало чрезвычайно чувствительной его эпидерму, так сказать, моральную эпидерму. Малейший пустяк волнует его, выводит из равновесия, заставляет страдать.

У Шанталей есть знакомые, но их круг весьма ограничен и тщательно отобран среди ближайших соседей. Два – три раза в год семья обменивается визитами с родственниками, живущими далеко.

Что же касается меня, то я обычно обедаю у них пятнадцатого августа и в крещенский сочельник. Для меня это своего рода выполнение долга, как для католика – причастие на пасху.

Пятнадцатого августа приглашают несколько друзей, но в крещенский сочельник я единственный гость в семье.

II.

Итак, в этом году я, по обычаю, обедал под крещение у Шанталей.

Как всегда, я поцеловался с г-ном Шанталем, г-жой Шанталь и мадмуазель Перль и отвесил глубокий поклон мадмуазель Луизе и мадмуазель Полине. Меня засыпали вопросами о городских происшествиях, о политике, о том, что говорят относительно положения дел в Тонкине, о наших представителях. Г-жа Шанталь толстая дама – все ее мысли кажутся мне квадратными, наподобие каменных плит, – имела привычку, в виде заключительной фразы ко всякому политическому спору, вещать: «Вот увидите, все это добром не кончится!» Отчего я вообразил, что мысли г-жи Шанталь четырехугольные? Сам не знаю, но что бы она ни говорила, мне сейчас же рисуется квадрат с четырьмя симметричными углами. А есть люди, чьи мысли в моем представлении всегда круглые и катятся, словно обручи. Достаточно таким людям рот открыть – и пошло, покатилося, по десять, двадцать, пятьдесят круглых мыслей, больших, маленьких, одна за другой, до бесконечности. И есть люди, у которых мысли заостренные... Но дело не в этом!

Мы сели за стол, и обед прошел без всяких достойных внимания эпизодов. Во время десерта на стол был подан крещенский сладкий пирог. Королем ежегодно оказывался г-н Шанталь. Был ли то неизменный каприз случая или же семейный заговор, не знаю, но хозяин всегда находил боб в своем куске праздничного пирога и непременно провозглашал королевой г-жу Шанталь. Поэтому я был весьма изумлен, когда откусил кусок пирога и ощутил какой-то твердый предмет, о который чуть не сломал себе зуб. Я осторожно извлек этот предмет изо рта и увидел маленькую фарфоровую куколку, не больше боба. У меня вырвалось невольное восклицание: «А!» Все взглянули на меня, а Шанталь захлопал в ладоши и закричал:

– У Гастона! У Гастона! Да здравствует король! Да здравствует

король!

Все подхватили хором.

– Да здравствует король!

И я покраснел до корней волос, как иной раз краснеешь без причины, просто когда попадаешь в дурацкое положение. Я сидел, опустив глаза, осторожно держа двумя пальцами фарфоровую куколку, сиюсь улыбнуться, не зная, что делать, что сказать, а Шанталь продолжал:

– Теперь выбирай королеву.

Тогда я окончательно растерялся. В одно мгновение тысячи мыслей, тысячи предположений вихрем пронеслись в моей голове. Может быть, от меня ждали, чтобы я выбрал одну из барышень Шанталь? Может быть, это способ выведать, которой из них я отдаю предпочтение? Или незаметная, осторожная, деликатная попытка родителей подтолкнуть меня к возможному браку? Ведь мысль о браке постоянно бродит в домах, где есть взрослые барышни, и принимает всякие формы, прячется за всякими личинами, пользуется всякими уловками.

Мною овладел отчаянный страх связать себя и ужасная робость перед закоренелой, неприступной добродетелью Луизы и Полины. Предпочсть одну другой казалось мне столь же затруднительным, как сделать выбор между двумя каплями воды, кроме того, меня чрезвычайно смущали опасения, как бы не запутаться во всем этом, чтобы потом меня, против воли, мягко и незаметно не довели до женитьбы с помощью неуловимых и безобидных приемов, вроде этой шутовской королевской власти.

Но вдруг меня осенила блестящая мысль, и я протянул мадмуазель Перль символическую куколку.

В первую минуту все удивились, но потом, вероятно оценив мою тактичность и скромность, стали бурно рукоплескать и кричать:

– Да здравствует королева! Да здравствует королева!

А она, бедная старая дева, совсем оробела. Растерянно, дрожащим голосом она лепетала:

– Нет... нет... нет... не меня! Пожалуйста... не меня... пожалуйста!

Тогда я впервые внимательно посмотрел на мадмуазель Перль и задал себе вопрос: что же она, собственно, собой представляет?

Я привык видеть ее в этом доме и не замечать, как не замечаешь

старые тканые кресла, на которые садишься с детства. Но вот однажды, неизвестно почему, – то ли солнечный луч упал на сиденье, – вдруг говоришь себе: «А ведь это прелюбопытное кресло!» И обнаруживаешь, что резьба на дереве сделана художественно, а обивка замечательная. Я никогда раньше не обращал внимания на мадмуазель Перль.

Она была членом семьи Шанталь, вот и все. Но почему? В качестве кого?

Это была высокая худая женщина; она всегда старалась держаться в тени, но отнюдь не была бесцветной. Шантали относились к ней дружески, она была, видимо, больше чем экономка, но меньше чем родственница. Теперь я вдруг вспомнил множество до сих пор мало интересовавших меня оттенков в отношении к ней. Г-жа Шанталь звала ее «Перль», барышни – «мадмуазель Перль», Шанталь просто «мадмуазель», но, быть может, с оттенком большей почтительности.

Я стал рассматривать ее. Сколько же ей лет? Сорок? Да, пожалуй, сорок лет. Она вовсе не была старухой, эта старая дева, она себя старила. Я был неожиданно поражен этим открытием. Ее прическа, платья, украшения были смешны, и все же она отнюдь не казалась смешной, столько в ней было врожденного, бесхитростного изящества, стыдливо, тщательно скрываемого.

Вот странное создание! Отчего я никогда не наблюдал за ней повнимательнее? Прическа ее была уродлива, с какими-то забавными старушечьими букольками, а под этими волнами волос в стиле непорочной девственницы белел высокий ясный лоб, пересеченный двумя морщинами – следами долгих печальных дум, и светились глаза, большие, голубые, кроткие, такие застенчивые, такие робкие, такие смиренные, чудесные глаза, сохранившие детскую наивность и полные девичьего изумления, юной чувствительности, полные скорби, глубоко пережитой, смягчившей их, но не затуманившей их блеска.

От всех ее черт веяло благородством и скромностью, – это было одно из тех лиц, которые блекнут не старея, оно не было опустошено ни усталостью от жизни, ни сильными страстями.

Какой прелестный рот! А какие прелестные зубы! Но улыбнуться

она, казалось, не осмеливается.

И вдруг я сравнил ее с г-жой Шанталь! Конечно, мадмуазель Перль во сто раз лучше, тоньше, благороднее, величавее.

Я был поражен этими наблюдениями. Разлили шампанское. Я протянул мой бокал королеве и с галантным комплиментом провозгласил тост в ее честь.

Я заметил, что ей хочется закрыть лицо салфеткой; когда же она пригубила золотистую влагу, то все воскликнули:

– Королева пьет! Королева пьет!

Тогда она вспыхнула и поперхнулась. Все засмеялись, но я хорошо видел, что в этой семье очень любят ее.

III.

Как только обед кончился, Шанталь взял меня под руку. Наступил священный, миг, когда он выкуривал сигару. Если он был один, то выходил курить на улицу. Если же бывали гости, то он вместе с ними подымался в бильярдную и курил, играя.

В этот вечер, по случаю праздника, бильярдную даже протопили; мой старый друг, взяв свой, очень тонкий кий, старательно натер его мелом и сказал:

– Тебе начинать, мой мальчик.

Он говорил мне «ты», хотя мне было уже двадцать пять лет, но он ведь знал меня еще ребенком.

Итак, я начал партию. Несколько ходов я выиграл; несколько проиграл; но мысль о мадмуазель Перль не выходила у меня с головы, и я вдруг спросил:

– Скажите, господин Шанталь, мадмуазель Перль – ваша родственница?

Крайне изумленный, он прекратил играть и взглянул на меня.

– Как! Разве ты не знаешь? Ты не слыхал истории мадмуазель Перль?

– Нет.

– Твой отец никогда тебе не рассказывал?

– Да нет же.

– Так! Так! Забавно! Очень забавно! О! Ведь это целое приключение.

Он умолк, затем продолжал:

– И если бы ты знал, как странно, что ты именно сегодня спросил меня об этом, сегодня – накануне крещения!

– Отчего странно?

– Отчего? Ну, вот слушай. Сегодня, в крещение, как раз исполняется сорок один год с того самого дня, да, сорок один год. Мы жили тогда в Рожи-ле-Тор, на крепостном валу. Но сначала я должен описать наш дом, чтобы тебе было понятно. Рожи стоит на косогоре, вернее на холме, который возвышается над широкими равнинами. У нас там был собственный дом с чудесным висячим садом, который держался на старинных крепостных стенах. Таким образом, дом выходил на городскую улицу, а сад был обращен к равнине. Из сада в поле вела калитка, к ней надо было спускаться потайной лестницей, проделанной в толще стены, как описывают в романах. Мимо калитки проходила дорога, а рядом висел большой колокол, так как крестьяне, чтобы не объезжать кругом, подвозили продукты прямо к этой калитке.

Ты представляешь себе ясно эти места, не правда ли?

В этот год, за неделю до крещения, повалил снег. Казалось, настал конец света. Когда мы поднимались на крепостной вал взглянуть на равнину, душа буквально стыла от этого бесконечного белоснежного простора, оледеневшего и блестящего так, словно он был покрыт лаком. Казалось, господь бог нарочно так упаковал землю, чтобы отправить ее на чердак угасших миров. Уверю тебя, зрелище было очень грустное.

Жили мы тогда семьей, и нас было много, очень много: мой отец, моя мать, дядя, тетка, два брата и четыре кузины, прехорошенькие девочки! Я женился на младшей. В живых остались теперь только моя жена, я и моя свояченица, что живет в Марселе. Боже мой! Как рассыпается семья! Когда я об этом думаю, просто тоска берет! В ту пору мне было пятнадцать лет, ведь сейчас мне пятьдесят шесть.

– Итак, мы собрались праздновать крещение, и все были очень, очень веселы! Мы сидели в гостиной и ждали обеда, как вдруг старший брат Жак сказал: «Я уже минут десять слышу со стороны равнины собачий вой; вероятно, какой-нибудь несчастный пес

заблудился».

Не успел он договорить, как зазвонил колокол у калитки. У него был низкий звук, похожий на звук церковного колокола, когда он звонит по покойнике. Все вздрогнули. Отец позвал слугу и отправил его на разведку. Мы ждали в глубоком молчании; нам представлялся снег, устилавший всю землю. Слуга вернулся и сказал, что никого нет.

А собака продолжала выть, и вой доносился все с той же стороны.

Сели за стол; но все были взволнованы, особенно молодежь. До жаркого все шло благополучно, но вот снова раздался звон. Колокол прозвонил трижды; три долгих громких удара насквозь пронизали нас, у всех перехватило дыхание. Мы замерли, глядя друг на друга, держа вилки в руках, и вслушивались, охваченные каким-то суеверным ужасом.

Наконец заговорила матушка: «Удивительно, что во второй раз позвонили спустя столько времени! Батист, не ходите один, пусть с вами пойдет кто-нибудь из господ».

Дядя Франсуа встал. Он был прямо Геркулес, очень гордился своей силой и ничего на свете не боялся.

Отец сказал ему: «Возьми ружье. Кто знает, что это может быть».

Но дядя взял с собой лишь трость и вышел вместе со слугой.

Мы же продолжали сидеть, дрожа от ужаса и неизвестности, не в силах есть, не в силах заговорить.

Отец пытался успокоить нас: «Вот увидите, это какой-нибудь нищий или заблудившийся в снегах прохожий. Он позвонил в первый раз и, видя, что ему не открывают, попытался выбраться на дорогу, но не мог и позвонил вторично».

Нам показалось, что дядя отсутствует уже целый час. Наконец он вернулся, сердитый, ругаясь: «Ни души, черт возьми! Кто-то просто безобразничает! А эта проклятая собака все воет в ста метрах от стены. Если бы со мной было ружье, я бы пристрелил ее на месте, чтобы не слышать этого воя».

Все опять сели за стол, но на душе у каждого была щемящая тревога. Было ясно, что на том дело не кончится, что-то должно произойти и колокол сейчас снова зазвонит.

И он зазвонил как раз в то мгновение, когда хозяйка разрешила крещенский пирог. Все мужчины поднялись разом. Дядя Франсуа, выпивший шампанского, так свирепо заявил, что уничтожит его, что мама с тетей бросились к нему и попытались успокоить. Отец, человек очень сдержанный и несколько беспомощный (он волочил одну ногу, сломанную во время падения с лошади), все же заявил, что желает выяснить, в чем дело, и тоже пойдет. Братья – им было восемнадцать и двадцать лет – побежали за своими ружьями, а так как на меня никто не обращал внимания, я схватил пугач и решил сопровождать их.

Мы тут же тронулись в путь. Отец и дядя шли впереди с Батистом, который нес фонарь. За ними следовали братья, Жак и Поль, а я замыкал шествие, вопреки мольбам матери, стоявшей вместе с теткой и кузинами на пороге дома.

За час перед тем снова повалил снег, и деревья стояли все запушенные. Сосны гнулись под тяжестью этого свинцового савана. Они были похожи на белоснежные пирамиды, на огромные сахарные головы, и сквозь мутную завесу мелких и быстрых снежинок едва маячили тонкие кусты, напоминавшие бледные призраки. Он валил такими густыми хлопьями, этот снег, что в десяти шагах ничего не было видно. Но фонарь бросал впереди нас яркий луч. Когда мы начали спускаться по винтовой лестнице в стене, то, уверяю вас, я струсил. Мне почудилось, что сзади кто-то идет, что меня сейчас схватят за плечи и утащат; и мне захотелось повернуть обратно; но так как надо было пройти весь сад, я не решился.

Я слышал, как отворилась калитка, выходившая в поле, и как дядя принялся браниться: «Вот черт! Опять удрал! Ну, погоди, только тень твою увижу, тогда держись, сукин сын!»

Жутко было видеть, или, точнее, почувствовать перед собой равнину, ибо видеть ее было нельзя: виден был лишь белый бесконечный саван, вверху, внизу, впереди, направо, налево, всюду.

Снова раздался голос дяди: «Слышите, опять собака воет! Ну, я покажу ей, как я умею стрелять. Хоть с ней разделаемся!»

Отец, человек добрый, остановил его: «Гораздо лучше пойти и привести несчастное животное, которое, наверно, воет от

голода. Оно же зовет нас, как гибнущий человек. Идем!»

И мы снова пустились в путь сквозь эту завесу, сквозь этот непрерывный густой снегопад, сквозь эту пену, которой были насыщены и ночь и воздух, которая колебалась, кружилась, падала и, тая, леденила кожу так, словно обжигала ее острой и мгновенной болью при каждом прикосновении мелких и порхающих хлопьев.

Мы по колена утопали в рыхлой и холодной массе, и, чтобы идти, надо было высоко поднимать ноги. С каждым шагом собачий вой доносился все яснее, все громче. Наконец дядя крикнул: «Вот она!» Все остановились, чтобы рассмотреть ее, как поступают при встрече с врагом в ночной темноте.

Я решительно ничего не видел; тогда я нагнал остальных и разглядел ее; она казалась жутким и фантастическим существом, эта большая черная овчарка, с густой шерстью и волчьей мордой, стоявшая в самом конце длинного луча, который падал из фонаря на снег. Собака словно оцепенела. Когда мы подошли, она перестала выть и только смотрела на нас.

Дядя сказал: «Вот странно, она не идет ни туда, ни сюда; у меня руки чешутся всадить в нее пулю!»

Отец решительно воспротивился: «Нет, надо взять ее с собой».

Тогда брат Жак воскликнул: «А ведь она не одна! Тут, рядом с ней, что-то стоит».

Действительно, позади собаки смутно выступало нечто серое, неразличимое. Все вновь опасно сделали несколько шагов.

При нашем приближении собака уселась. Вид у нее был не злой. Скорее она казалась довольной, что ей удалось привлечь внимание людей.

Отец прямо подошел к ней и погладил ее. Собака стала лизать ему руки, и тут мы обнаружили, что она привязана к колесу детской коляски, вроде игрушечных повозок, обернутой тремя или четырьмя шерстяными одеялами. Одеяла осторожно развернули, и когда Батист поднес фонарь к дверке колясочки, напоминавшей гнездо на колесах, мы увидели в ней спящее дитя.

Все были так поражены, что не могли слова вымолвить. Первым пришел в себя отец. И так как он был человек великодушный и слегка экзальтированный, то простер руку над верхом коляски и

произнес: «Бедный подкидыш, мы примем тебя в свою семью!» И приказал брату Жаку катить к дому нашу находку.

Затем заговорил снова, словно думая вслух: «Наверно, это дитя любви, и несчастная мать позвонила у моей двери в крещенскую ночь во имя божественного младенца!»

Он смолк, затем громко крикнул в ночь, на все четыре стороны: «Мы взяли дитя!» И, опустив руку на плечо брата, прошептал: «А что, если бы ты выстрелил в собаку, Франсуа?»

Дядя ничего не ответил, но в темноте широко перекрестился – он был очень религиозен, несмотря на свое бахвальство.

Собаку отвязали, и она шла за нами.

Да! Наше возвращение домой было поистине радостным зрелищем.

Мы с большим трудом подняли колясочку по лестнице в толще стены; но, наконец, это все же удалось, и она въехала прямо в переднюю.

Какая смешная была мама, довольная и взволнованная! А мои четыре маленькие кузины (младшей было всего шесть лет) теснились, словно четыре наседочки вокруг гнезда.

Наконец малютку, продолжавшую спать, вынули из коляски. Это была девочка примерно шести недель. В ее пеленках обнаружили десять тысяч франков золотом, да, представь, десять тысяч франков; папа положил их на ее имя в банк, в виде будущего приданого. Итак, это не был ребенок бедняков... а скорее дочь дворянина и скромной горожанки, или... Словом, мы строили тысячу предположений, но нам так и не удалось узнать ничего достоверного... ничего... ничего. Даже собаки, и той никто не признал. Она была не из наших мест. Во всяком случае, тот или та, кто трижды позвонил у наших дверей, видимо, хорошо знал моих родителей, раз на них остановил свой выбор.

Вот каким образом мадмуазель Перль шести недель от роду вошла в дом Шанталей.

Впрочем, ее уже потом прозвали мадмуазель Перль. А окрестили ее «Мари-Симона-Клэр». Клэр – должно было служить ей фамилией. Очень странным было и наше возвращение в столовую с проснувшейся крошкой на руках, глядевшей на всех этих людей, на эти огни мутными, голубыми, испуганными глазенками.

Мы снова уселись за стол, и пирог был разложен по тарелкам. Я

оказался королем и королевой избрал мадмуазель Перль, как ее только что избрал ты. А она в тот день едва ли подозревала о той чести, которая была ей оказана.

Итак, мои родители усыновили ребенка и воспитали в нашей семье. Девочка выросла; годы шли. Она была мила, кротка, послушна. Все любили ее и, наверно, ужасно избаловали бы, если бы не моя мать.

Матушка была женщиной твердых правил и строгой блюстительницей общественной иерархии. Она готова была относиться к Клэр, как к собственным детям, но все же требовала, чтобы отделявшее нас расстояние соблюдалось неукоснительно и точно.

Поэтому, как только малютка подросла, матушка ей рассказала ее историю и очень бережно, даже нежно внушила девочке, что она всего лишь приемная дочь Шанталей и, собственно говоря, посторонняя.

Клэр поняла свое положение с особенной пронзительностью, с какой-то удивительной чуткостью; она сумела занять и сохранить то место, которое было ей предоставлено, с таким тактом, достоинством и очарованием, что до слез умиляла моего отца.

Даже моя мать была так тронута пылкой признательностью и застенчивой преданностью этого миловидного, нежного создания, что стала звать ее: «Дочь моя!» Порой, когда девочка поступала особенно хорошо и деликатно, мама, подняв на лоб очки, что служило у нее всегда признаком волнения, повторяла: «Нет, это дитя – перл! Настоящий перл!»

Прозвище так и укрепилось за маленькой Клэр, и она продолжает оставаться для нас мадмуазель Перль.

IV.

Г-н Шанталь смолк. Он сидел на бильярдном столе, болтая ногами, левой рукой он подбрасывал шар, правой – мял тряпку, предназначенную стирать меловые отметки на грифельной доске и прозванную нами «меловым полотенцем». Слегка разругавшись, он продолжал говорить глухим голосом, уже как бы сам с собой, уйдя весь в свои воспоминания, и казалось, он тихонько бродит по далекому прошлому, среди отзвучавших событий, теперь

просыпавшихся в его душе, как мы бродим по старинному фамильному парку, где мы выросли, где каждое дерево, каждая тропинка, каждый кустик – и колючий дикий терновник, и душистый лавр, и тис, чьи алые сочные ягоды лопаются между пальцами, – все воскрешает на каждом шагу какую-нибудь мелочь из нашей былой жизни, одну из тех мелочей, незначительных и милых, которые образуют самую основу нашего существования.

Я же стоял перед ним, прислонившись к стене и опершись на ненужный бильярдный кий.

Помолчав, он продолжал:

– Боже мой! Как она была хороша в восемнадцать лет... грациозна... прекрасна!.. Да! красавица... красавица... красавица... и добра... и благородна... чудесная девушка! Глаза у нее были... голубые... прозрачные... ясные... Таких глаз я никогда не видел... никогда!

Он опять помолчал. Я спросил:

– Отчего она не вышла замуж?

Он ответил не на мой вопрос, а на прозвучавшее слово «замуж».

– Отчего? Отчею? Не пожелала... не пожелала! А ведь за ней было тридцать тысяч франков приданого, и ей много раз делали предложение. А вот не пожелала. Она все грустила почему-то. Это было как раз, когда я женился на моей кузине, на маленькой Шарлотте, моей жене, женихом которой я был шесть лет.

Я взглянул на г-на Шанталя, и мне показалось, что я проник в его мысли, внезапно проник в одну из незаметных мучительных драм сердца, благородного, честного, безупречного, в глубь одного из тех сердец, замкнутых и неразгаданных, которые не открываются ни перед кем, даже перед тем, кто является их безгласной и покорной жертвой.

И вдруг, побуждаемый дерзким любопытством, я сказал:

– Вам следовало жениться на ней, господин Шанталь.

Он вздрогнул, посмотрел на меня и переспросил:

– Мне? Жениться на ком?

– На мадмуазель Перль.

– Почему это?

– Потому что вы ее любили больше, чем вашу кузину.

Он посмотрел на меня странными, округлившимися, испуганными глазами и пролепетал:

– Я любил ее... я? Что? Кто тебе сказал?

– Да это же ясно, черт возьми!.. Из-за нее вы откладывали и ваш брак с кузиной, которая ждала вас целых шесть лет!

Он выронил шар, который был у него в левой руке, обеими руками схватил меловое полотенце и, прижав его к лицу, зарыдал. Он рыдал отчаянно, нелепо; слезы, как из губки, лились у него из глаз, из носа, изо рта, и он кашлял, плевался, сморкался в меловое полотенце, вытирал глаза, чихал, вновь изливал влагу через все щели своего лица с таким бульканьем, словно полоскал горло.

А я стоял ошеломленный и пристыженный. Мне хотелось убежать, я не знал, что делать, что говорить, что предпринять.

Внезапно с лестницы донесся голос г-жи Шанталь:

– Ну? Вы там скоро кончите курить?

Распахнув дверь, я ответил:

– Да, мы сейчас идем, госпожа Шанталь.

Затем бросился к мужу, схватил его за локти.

– Господин Шанталь, друг мой, Шанталь, послушайте, вас зовет жена, успокойтесь, успокойтесь поскорее, надо идти вниз, успокойтесь.

Он забормотал:

– Да... да... иду... бедная девушка... иду... скажите ей, я сейчас иду.

Он усердно принялся вытирать лицо полотенцем, которым в продолжение нескольких лет стирали мел. Когда наконец он открыл лицо, оно было все красно-белое: лоб, нос, щеки и подбородок вымазаны мелом, а глаза воспалены и еще полны слез.

Я схватил его за руки и увлек к нему в спальню, бормоча:

– Простите меня, умоляю вас, простите меня, господин Шанталь, я сделал вам больно... но... я же не знал... вы... вы понимаете?

Он сжал мою руку:

– Да... да... бывают тяжкие минуты...

Затем окунул лицо в таз, но и умывшись, он был еще не в полном порядке; тогда мне пришла в голову небольшая хитрость. Видя, что он озабоченно рассматривает себя в зеркало, я предложил:

– Знаете что, скажите, что вам попала соринка в глаз, и тогда можете плакать при всех, сколько вам угодно.

И действительно, он явился, усиленно протирая глаза носовым

платком. Все встревожились, предлагали найти соринку, которой не было, вспоминали такие же случаи, когда в конце пришлось обратиться к врачу.

Я же подсел к мадмуазель Перль и стал вглядываться в нее, охваченный жгучим любопытством, настолько неудержимым, что оно становилось мучительным. Да, она когда-то действительно была хороша: кроткие глаза, такие большие, такие ясные и так широко раскрытые, словно она их никогда не смыкала, подобно простым смертным. Правда, одета она была довольно нелепо, как одеваются обычно старые девы, туалет не украшал ее, но и не безобразил.

Мне показалось, что я читаю в ее душе так же, как только что читал в душе г-на Шанталя. И предо мной от начала до конца развернулась жизнь этой женщины, смиренной, простой и преданной. Мне настойчиво, нестерпимо хотелось задать ей один вопрос, узнать, любила ли и она его, страдала ли, как он, терзалась ли долгой, бесконечной мукой, жгучей и сокровенной, о которой никто не ведает, никто не подозревает, не догадывается, но которая вдруг вырывается на волю ночью, в уединении темной комнаты. Я глядел на нее и, казалось, видел, как под корсажем с кружевной косынкой бьется сердце; и я спрашивал себя: неужели и это кроткое, чистое существо одинокими вечерами стенало, уткнувшись в жаркую и влажную подушку, сотрясаясь от рыданий на своем лихорадочно смятом ложе?

И тихонько, как дети ломают игрушку, чтобы заглянуть внутрь, я пробормотал:

– Если бы вы видели, как сейчас плакал господин Шанталь, вы бы его пожалели!

Она вздрогнула.

– Как, он плакал?

– Да, да плакал.

– О чем?

Казалось, она очень взволновалась. Я ответил:

– О вас.

– Обо мне?

– Да. Он рассказал мне, как некогда любил вас и чего ему

стоило жениться на своей кузине, а не на вас...

Ее бледное лицо как будто сразу осунулось; всегда широко раскрытые спокойные глаза сомкнулись так быстро, словно они закрылись навек. Она соскользнула со стула и медленно-медленно опустилась на пол, точно падающий шарф.

Я закричал:

– Помогите! Помогите! Мадмуазель Перль дурно!

К ней подбежала г-жа Шанталь с дочерьми, и, пока они суетились около нее с водой, уксусом, салфеткой, я схватил шляпу и скрылся.

Я шел быстро, я был потрясен, меня терзали угрызения совести и сожаления. Но минутами я испытывал радость. Мне чудилось, что я сделал хорошее, нужное дело.

Я думал: «Прав я или неправ? Ведь любовь засела в их сердцах, как пуля в закрывшейся ране. Может быть, теперь им станет легче? Переживать снова любовные муки уже поздно, но не поздно вспоминать о них с нежностью».

И, может быть, когда-нибудь вечером, будущей весной, взволнованные лунным лучом, упавшим сквозь ветви на траву у их ног, они тихонько возьмутся за руки, и легкое пожатие напомнит им всю их тайную жестокую боль, а может быть, это мгновенное пожатие пробудит неизведанный ими трепет, подарит этих воскресших мертвецов тем быстролетным божественным опьянением, тем безумием, которое за одно мгновение может дать влюбленным больше счастья, чем иным суждено пережить за целую жизнь!

* * *

Напечатано в литературном приложении к «Фигаро» 16 января 1886 года.

Комическая опера – театр оперетты в Париже.

Французская комедия – крупнейший драматический театр в Париже.

15 августа – день рождения Наполеона I, бонапартистский праздник.

Положение дел в Тонкине. – В течение 80-х годов внимание французского общества было поглощено происходившими в Тонкине событиями, связанными с попыткой Франции навязать ему свой

протекторат. Аннексионистская деятельность французского правительства, осуждавшаяся радикалами и социалистами, требовавшая все новых и новых кредитов, а также посылки новых подкреплений («положение дел в Тонкине» постепенно превратилось с 1883 года в фактическую войну с Аннамом и Китаем), вызывала шумные дебаты в палате депутатов и в сенате, завершившиеся 30 марта 1885 года свержением кабинета Ферри. Слово «перл» произносится по-французски «перль» (perle).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Коган. Некаýalar